
Gustave Flaubert. *Bouvard et Pécuchet* (1881).

Перевод И. Мандельштама.

Флобер Г. Собрание сочинений в 5 т.

М., Правда, 1956; (библиотека "Огонек")

Том 4, -- 408 с. -- с. 151-388.

OCR: sad369 (5.11.2006)

I

Жара достигала тридцати трех градусов, и бульвар Бурдон был совершенно безлюден.

Пониже вытянулся в прямую линию замкнутый двумя шлюзами канал Сен-Мартен с водою чернильного цвета. Посредине стояла груженная дровами баржа, и на береговом откосе выстроились два ряда бочек.

По ту сторону канала, между домами, где расположены лесные склады, широкое чистое небо вырисовывалось лазурными квадратами, и в лучах солнца белые фасады, черепичные кровли, гранитные набережные слепили глаза. Смутный отдаленный гул стоял в теплом воздухе; и все словно оцепенело от воскресной праздности и грусти, свойственной летним дням.

Показались двое прохожих.

Один держал путь от Бастилии, другой -- от Ботанического сада. Тот, что был выше, в парусиновом костюме, со шляпою на затылке, шагал, расстегнув жилет и неся галстук в руке. Другой, поменьше ростом, весь уйдя в коричневый сюртук, шел, понуриив голову под остроконечным козырьком картуза.

Дойдя до середины бульвара, они уселись одновременно на одну и ту же скамью.

Чтобы вытереть лоб, каждый из них снял свой головной убор и положил его рядом с собою; и низенький человек заметил в шляпе соседа надпись "Бувар", а тот без труда разобрал слово "Пекюше" на подкладке картуза у одетого в сюртук мужчины.

-- Смотрите-ка, -- сказал он, -- мы с вами одно и то же придумали: написать свою фамилию на шляпах.

-- Да, что поделаешь, мою могли бы обменять в конторе.

-- Вот и у меня то же самое; я -- служащий.

Тут они взглянули друг на друга.

Пекюше был сразу пленен приятной внешностью Бувара. Его голубые, всегда полузакрытые глаза улыбались на румянном лице. Панталоны с широким гульфом сморщились на войлочных башмаках и обтягивали живот, вздувая рубашку над поясом; а белокурые волосы, вившиеся легкими кольцами, придавали нечто детское его чертам. Губами он, не переставая, как бы насвистывал.

Бувара поразил серьезный вид Пекюше.

Его волосы можно было принять за парик, -- такие гладкие и черные пряди украшали высокий череп. Лицо казалось профилем со всех сторон, потому что нос опускался очень низко. Ноги в натянутых глянцеvitых брюках были по длине непропорциональны туловищу; говорил он голосом зычным, глухим. У него вырвалось восклицание:

-- Как хорошо теперь в деревне!

Но Бувар возразил, что пригород невыносим из-за кабацкого шума. Пекюше был того же мнения. Однако столичная жизнь начинала его утомлять, Бувара -- тоже.

И глаза их блуждали по грудам тесаных камней, по отвратительной воде, где плавала охапка соломы, по торчавшей на горизонте фабричной трубе; миазмы поднимались от сточных вод. Они повернулись в другую сторону: перед ними выросли стены хлебных амбаров.

Положительно (и Пекюше был этим озадачен) на улице зной еще сильнее, чем дома. Бувар посоветовал ему снять сюртук. Сам он плюет на приличия.

Вдруг по тротуару прошел, выписывая кренделя, пьяный; они заговорили о рабочих, потом о политике. Взгляды у них оказались общие, хотя Бувар, пожалуй, был либеральнее.